
О. В. АУРОВ

ВЕСТГОТСКИЕ КОРОЛИ-АРИАНЕ ПОСЛЕ ЭПОХИ ИОРДАНА (характер, идеология и символика власти)

В предисловии к первому изданию своего комментированного перевода «Гетики» Иордана Елена Чеславовна Скржинская (1897–1981), характеризуя общее значение памятника, среди прочего заметила, что «„Getica“ — настолько богатый источник, что его вполне можно поставить в центр изучения, сопровождая исследованием других — и немалочисленных — дошедших до нас источников IV–VI вв.».¹ Как известно, эта особенность Иорданова текста оценена уже давно и по достоинству.² И действительно, исторический путь готов от Вислы и Одера к Северному Причерноморью, а оттуда, после разделения на две ветви,³ — на запад, вплоть до Испании (вестготы) и Италии (остготы), затронул такое количество разных этнических групп (от славянских (или праславянских) и скифо-сарматских до кельтских и иберийских) и оказал столь значимое влияние на их судьбы (как и на судьбы Западной и Восточной Империй), что описание истории готов неизбежно должно было выйти за рамки чисто «этнической» истории, приобрести всеевропейскую значимость.

И все же прежде всего Иордан остается источником по истории собственно готов, причем как остготов, к которым он принадлежал и сам (что окончательно и предельно убедительно доказано той же Е. Ч. Скржинской⁴), так и вестготов. Ведь связи между двумя ветвями готского этноса никогда окончательно не прерывались, а в последний период истории Остготской Италии тесно пересеклись вновь: после гибели Ала-

¹ Скржинская Е. Ч. Предисловие // *Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Getica*. СПб., 1997. С. 6.

² См., например, рецензию А. И. Неусыхина на первое издание перевода «Гетики»: Там же. С. 462–469.

³ Как известно, именно Е. Ч. Скржинской принадлежит заслуга четкого определения содержания понятий «остготы» (она предпочитает «остроготы») и «вестготы» («везеготы»). См.: Там же. С. 245–246.

⁴ Скржинская Е. Ч. Иордан и его «Гетика» // Там же. С. 10–12.

риха II в знаменитой битве с франками при Пуатье (506 или 507 гг.) Вестготское королевство, ослабленное и утратившее почти все свои галльские владения, попало под опеку Теодориха Великого.⁵ Именно поэтому труд Иордана остается одним из важнейших источников и по истории Вестготского королевства до середины VI в. — времени, на котором заканчивается сочинение.

Есть, однако, еще одна причина, делающая «Гетику» принципиально значимым источником по истории Королевства вестготов. Как известно (и этот вопрос также тщательно разобран Е. Ч. Скржинской⁶), в основе текста Иордана лежала несохранившаяся «Готская история» (или «История готов») Кассиодора, политическая направленность которой не устроила византийские власти Италии. Между тем эта «История» была частью того политического курса, который на протяжении многих лет проводил этот ближайший сподвижник Теодориха Великого и его преемников. «Замыслом представить династию Амалов и окружающих их готов достойными повелителями римлян, стремлением склонить на свою сторону, приблизить к себе римский сенат как собрание представителей всей итальянской аристократии, окраской всего сочинения как трактата, подготовлявшего укрепление власти остготов в Италии, определялась цель предложенного Кассиодору и выполненного им задания. Его труд должен был, возвысив варваров до уровня римлян, подготовить дальнейшее преобладание варваров над римлянами», — отмечала переводчик и комментатор «русского» Иордана. И время подтвердило глубокую обоснованность этой оценки.⁷

Между тем нельзя не заметить, что аналогичная по характеру задача несколько позднее была поставлена и за пределами Италии, а именно — в Вестготской Испании. В частности, знаменитый Исидор Севильский, начав свою «Историю королей готов, вандалов и свевов» восторженным панегириком Испании,⁸ вполне закономерно закончил ее столь же прочувствованным «Заключением», по существу — панегири-

⁵ Аларих II (485–507) был женат на дочери Теодориха Великого Тиугото; следовательно, его сын Амаларих был внуком остготского короля, который, после смерти отца, стал его естественным опекуном. После гибели внука в 531 г. его преемником был назначен знатный остгот Тевда (или Теода) (Теудис у Иордана) (531–548), бывший *armiger* Теодориха. Фактически он являлся регентом, управлявшим от имени остготского короля, хотя впоследствии независимое поведение Тевды, а также византийское вторжение ослабили возможность контроля над Испанией со стороны Равенны. У Иордана об этом см.: *Iord. Get.* 297–303 (см. также комментарий Е. Ч. Скржинской к этому месту: *Иордан. ... Getica*. С. 361. Примеч. 770). См. также: *Клады Д.* История вестготов. СПб., 2002. С. 91–97 (и др.).

⁶ Скржинская Е. Ч. Иордан и его «Гетика». С. 31–39.

⁷ Там же. С. 36. На материале «Варий» Кассиодора не так давно к близким выводам пришел П. П. Шкаренков. См.: *Шкаренков П. П.* 1) Королевская власть в остготской Италии: миф, образ, реальность. М., 2003; 2) Римская традиция в варварском мире: Флавий Кассиодор. М., 2004.

⁸ *De laude Spaniae // Isidorus Hispalensis. Historia gothorum, wandalorum svevorumque.* 1 — 1c // MGH: Chronica minora. Berlin, 1961. Vol. 2 (далее — *Isid. Hist. Goth.*).

ком готам, новым правителям Иберии, гордым и могучим победителям самого Рима.⁹ При этом, как и Кассиодор, в реализации своего политико-идеологического проекта севильский епископ не ограничился только историописанием. В совокупности (в том числе — и развивая идеи, заложенные его италийским предшественником) именно Исидор заложил основы так называемой вестготской «политической теологии» — целостной системы представлений об истоках, целях и характере власти правителей королевства. Отдельные положения этой глобальной концепции представлены как в его текстах (прежде всего в соответствующих разделах «Этимологий» и «Сентенций»), так и в постановлениях Толедских соборов (прежде всего — IV Толедского собора 636 г.).

Значение этого феномена выходит далеко за рамки королевства, включавшего в свой состав территорию Пиренейского полуострова и прилежавшую к нему область Септиманию (бывшую римскую Нарбоннскую Галлию).¹⁰ Ведь именно в Толедском королевстве (историческом преемнике Тулузского королевства вестготов (ок. 418–506 (507)) монархическая власть была впервые осознана как целостное и самостоятельное явление, не только *de facto*, но и *de jure* независимое от власти римских (византийских) императоров.¹¹ Именно здесь впервые сложилась целостная система королевской титулатуры, символов и ритуалов королевской власти,¹² четкая процедура престолонаследия (или, точнее, избрания преемника умершего короля)¹³ и, наконец, феномен «политической теологии»,¹⁴ прежде всего — детально разработанная концепция

⁹ Recapitatio // *Isid. Hist. Goth.* 66–70.

¹⁰ Об основных этапах истории вестготского королевства см.: *Klavyde D.* История вестготов; *Orlandis Rovira J.* Época visigoda. Madrid, 1987; *D'Abadal y de Vinyals R.* Del reino de Tolosa al reino de Toledo. Madrid, 1960; *Rouche M.* Le royaume Wisigothique de Toulouse et d'Espagne // *De la Antigüedad al Medioevo. Siglos IV–VII. III Congreso de Estudios Medievales.* Avila, 1993. P. 281–290; *García Moreno L. A.* Historia de España visigoda. Madrid, 1989 и др.

¹¹ В отечественной научной литературе уже А. Р. Корсунский отмечал, что «в произведениях VII в. появляется идея монархии, представление о самодержавной власти вестготских королей» (см.: *Корсунский А. Р.* Готская Испания. М., 1969. С. 283). См. также: *Reydellet M.* La conception du souverain chez Isidore de Séville // *Isidoriana. Colección de estudios sobre Isidoro de Sevilla, publicados con ocasión del XIV Centenario de su nacimiento / Ed. por M. Díaz y Díaz.* León, 1961. P. 457–466; *Orlandis J.* El rey visigodo católico // *De la Antigüedad al Medioevo. Siglos IV–VII. III Congreso de Estudios Medievales.* Avila, 1993. P. 53–64.

¹² См., например: *Mateu Llopis F.* Los atributos de la realeza en los tremises godos y las categorías diplomáticas coetáneas // *Anales Toledanos.* 1971. III. P. 139–158; *Barbero de Aguilera A.* El pensamiento político visigodo y las primeras uniones regias en la Europa medieval // *Idem.* La sociedad visigoda y su entorno histórico. Madrid, 1992. P. 1–77.

¹³ См., например: *Iglesia Ferreiros A.* Notas en torno a la sucesión al trono en el reino visigodo // *Anuario de historia del derecho español (далее — AHDE).* 1970. T. 40. P. 653–682; *Gallego-Blanco E.* Los concilios de Toledo y la sucesión al trono visigodo // *AHDE.* 1974. T. 44. P. 723–739; *Orlandis Rovira J.* El poder real y la sucesión al trono en la monarquía visigoda // *Estudios visigóticos.* Roma; Madrid, 1962. T. 3.

¹⁴ См., например: *Sanz Serrano R.* La excomunión como sanción política en el Reino visigodo de Toledo // *Los visigodos. Historia y civilización. Actas de la semana internacional de Estudios Visigóticos.* Madrid, 1986. P. 275–288; *Godoy C., Vilella J.* De la *Fides gothica* a la Ortodoxia nicena: inicio de la Teología política visigótica // *Ibid.* P. 117–144.

сакральных истоков и обусловленной ими неприкосновенности королевской власти,¹⁵ а также двоякой природы личности монарха (или «двух тел» короля), блестяще описанная Э. Канторовичем.¹⁶

Наконец, именно в границах толедской монархии сложились наиболее зрелые формы взаимодействия между государством и церковью, принявшие характер своеобразной вестготской «симфонии», в основу которой был положен принцип «соборности».¹⁷ Речь идет о феномене Толедских «национальных» соборов, носивших не провинциальный, а общегосударственный характер.¹⁸ Этот институт был ранее неизвестен христианскому миру. В данном случае он важен еще и потому, что соборные постановления выступали одним из важнейших источников права вестготской эпохи, дополняя, конкретизируя, а нередко — и предвосхищая те положения королевского законодательства, в которых нашли наиболее полное отражение принципы вестготской государственной идеологии.¹⁹ В совокупности все эти особенности самым непосредственным образом повлияли на развитие средневековых политических теорий за Пиренеями, прежде всего — в державе Каролингов и англосаксонских королевствах.²⁰

Сказанное объясняет, почему политическая мысль вестготской Испании уже на протяжении длительного времени привлекает пристальное внимание исследователей. Думается, однако, что связанная с ней проблематика столь сложна, что до сих пор остается целый ряд недостаточно разработанных сюжетов. В свою очередь, это требует нового, более пристального обращения к текстам источников, и прежде все-

¹⁵ *Orlandis Rovira J.* En torno a la noción visigoda de tiranía // *AHDE*. 1959. T. 29. P. 5–43.

¹⁶ *Kantorowicz E.H.* The King's Two Bodies. A Study in Medieval Political Theology. Princeton (New Jersey), 1997. Passim.

¹⁷ *Ziegler A. K.* Church and State in Visigothic Spain. Washington, 1930; *Orlandis J.* Los concilios en el reino visigodo católico // *Orlandis J., Ramos-Lissón D.* Historia de los concilios de la España romana y visigoda. Pamplona, 1986. P. 163–507 et al.

¹⁸ Речь идет о 12 Толедских соборах конца VI–VII в., на которых были представлены христианские общины разных районов королевства, а не только отдельных провинций. К числу таковых относятся следующие Толедские соборы: III (589), IV (633), V (636), VI (638), VII (646), VIII (653), X (656), XII (681), XIII (683), XV (688), XVI (693) и XVII (694). См.: *Orlandis J., Ramos-Lissón D.* Historia de los concilios...; *Martínez Díaz G.* Los Concilios de Toledo // *Anales Toledanos*. 1971. III. P. 119–138; *Orlandis J.* La problemática conciliar en el reino visigodo de Toledo // *AHDE*. 1978. T. 48. P. 277–306; *Idem.* Los laicos en los concilios visigodos // *AHDE*. 1980. T. 50. P. 177–187.

¹⁹ См., например: *Orlandis Rovira J.* Lex in confirmatione concilii // *Idem.* La iglesia en España visigótica y medieval. Pamplona, 1976. P. 185–214.

²⁰ *King P. D.* 1) Law and society in the Visigothic Kingdom. Cambridge, 1972; 2) The Barbarian Kingdoms // *The Cambridge History of Medieval Political Thought*, c. 350–c. 1450 / Ed. by J.H. Burns. Cambridge, 2005 (5th ed.). P. 139–147; *O'Callaghan J.* A History of Medieval Spain. Ithaca; London, 1975. P. 57–60; *Collins R.* Early Medieval Europe, 300–1000. Houndmills (Hampshire), New York, 1999. P. 153–161; *Olson L.* The Early Middle Ages. The Birth of Europe. Houndmills (Hampshire), New York, 2007. P. 68–74; *Barbero de Aguilera A.* Los «síntomas españoles» y la política religiosa de Carlomagno // *Idem.* La sociedad visigoda y su entorno histórico. Madrid, 1992. P. 78–135.

го — «Гетики» Иордана. Полагаю, что, только «отталкиваясь» от ее содержания, можно достичь адекватного понимания существа тех политических механизмов, которые предопределили саму необходимость формирования феномена вестготской «политической теологии», и, главное, их истоков, относящихся еще к арианскому времени (т. е. до конца VI в.). Текст Иордана позволяет не только глубже понять предысторию соответствующих явлений, а также синхронизировать эволюцию политических концепций (в разработке содержания которых сделано уже немало) с конкретно-историческими процессами, которые испано-готское общество переживало начиная с середины VI столетия — времени, когда был написан труд готского историка, — и до конца столетия, когда при короле Реккареде Католике (586–601) на III Толедском соборе единственным допустимым толком христианства была признана никейская ортодоксия.

1. Иорданова предыстория

В «Гетике» Иордана готские (как остготские, так и вестготские) короли предстают прежде всего как полководцы, как предводители армий, состоящих из их соплеменников. Сомневаться в адекватности этого подхода у нас нет никаких оснований, тем более, что он далеко не оригинален и свойствен раннесредневековой историографии в целом. Впрочем, «Гетика» не лишена и определенной специфики, которая выражается не столько в сути, сколько в расстановке акцентов. Дело в том, что у Иордана короли предстают *только* как военачальники, а военное лидерство и прессинг с позиции силы выступают в качестве единственных инструментов реализации их власти.

Поэтому совсем не случайно, судя по описанию, присутствующему в «Гетике», ритуал провозглашения нового короля был предельно прост и включал исключительно атрибуты статуса военачальника: «Отдав должное Теодориду, готы, гремя оружием, передают [наследнику] королевскую власть, и храбрейший Торисмуд, как подобало сыну, провожает в похоронном шествии славные останки отца» (перевод Е. Ч. Скржинской).²¹ Надо полагать, под гром оружия вестготы вознесли Торисмунда, преемника погибшего при Каталунских полях Теодориха I, на щите. Во всяком случае, подобные провозглашения на военных сходках варваров, как правило, предполагали именно это. Так, уже Тацит упоминает о поднятии на щите военного вождя германцев-каннифератов Бриннона.²² Сходная сцена встречается и у Григория Турского при описании провозглашения королем узурпатора Гундовальда,

²¹ Iord. Get. 215: «At Gothi Theodorico adhuc iusta solventes **armis insonantibus regiam deferunt maiestatem** fortissimusque Thorismund bene gloriosos manes carissime partris, ut decebat filium, patris exequias prosecutus».

²² Tacit. Hist. IV.15.

мнимого сына западнофранкского короля Хлотаря I (511–561), которого соратники также подняли на щите.²³ Но вне зависимости от того, имел ли место подобный ритуал в случае Торисмунда, очевидно, что в любом случае король вестготов в ту эпоху получал власть лишь от войска, что и подчеркивалось символикой происходящего.

Разумеется, в реальной жизни варварские (и не только вестготские) короли не были лишь полководцами. Мы хорошо знаем, например, что они выполняли и функции законодателей, свидетельством чему является наличие уже в V в. целого ряда королевских эдиктов, изданных по образцу аналогичных актов римских префектов претория, место которых де-факто заняли новые правители. Следует упомянуть, например, «Эдикт Теодориха» (вне зависимости от того, о каком Теодорихе идет речь — Теодорихе Великом остготском или Теодорихе II вестготском,²⁴ авторство префекта претория Галлий Магна, о котором упоминает Сидоний Аполлинарий, можно считать доказанным фактом),²⁵ эдикты вандальского короля Хуннериха (477–484) (один из которых полностью, а два — частично были включены Виктором из Виты в его «Историю гонений»),²⁶ а также вестготского короля Эвриха (466–484), сохранившийся в виде фрагментов.²⁷

Тем не менее эта функция законодателей носила скорее вынужденный характер, обусловленный необходимостью механического заполнения лакуны, образованной деградацией и последующим падением императорской власти в Западной Римской империи. Что же касается непосредственно королей вестготов, то, в отличие от правителей дру-

²³ *Greg. Turonensis. Historiae*, VII, 10 / Ed. B. Krusch, W. Levison // MGH: SRM. Hannoverae, 1951. T. 1. P. 332 (далее — *Greg. Turon. Hist.*): «ibique parmae superpositus, rex est levatus».

²⁴ Последняя атрибуция предложена итальянским историком права Дж. Висмарой (см.: *Vismara G. El «Edictum Theodorici» // Estudios visigóticos*. Roma; Madrid, 1956. I. P. 49–89). Правда, эта точка зрения не нашла повсеместной поддержки. См., например: *Копылов И. А. П.* К дискуссии об «Эдикте Теодориха» // *Европа в средние века: экономика, политика, культура*. М., 1972. С. 16–31. См. также: *García Gallo A. Consideración crítica de los estudios sobre la legislación y costumbre visigodas // AHDE*. 1974. T. 44. P. 390–395; *Merêa P. Para una crítica de conjunto da tese de García Gallo // Estudos do Direito visigótico*. Coimbra, 1948. P. 199–248; *D'Ors A. La territorialidad del derecho de los visigodos // Estudios visigóticos*. 1956. Vol. 1, no 5. P. 111; *Gibert R. Historia general del derecho español*. Madrid, 1981. P. 9–11 etc. (1 ed. — Granada, 1968).

²⁵ См., например об этом: *Gibert R. Historia general del derecho español*. P. 10; см. также примеч. 1.

²⁶ См. об этом правовом памятнике, например: *Копылов И. А.* Правовые основы власти вандальского короля: к вопросу о соотношении римских и германских элементов // *Jus antiquum. Древнее право*. 2004. № 2 (14). С. 166–182; *Vismara G. Gli editti dei re Vandali // Studi in honore di G. Scherillo*. Milano, 1972. Vol. 2. P. 849–878 (приношу благодарность за предоставление этой информации И. А. Копылову).

²⁷ Комментированную публикацию латинского текста фрагментов кодекса (так называемого *Fragmenta Parisina*) см.: *D'Ors A. El Código de Eurico / Ed., palingenèsia, índices // Estudios visigóticos*. Roma; Madrid, 1960. II. P. 20–46. Русский перевод см.: *Ауров О. В.* Фрагменты эдикта короля Эвриха (70-е гг. V в.) (*FRAGMENTA PARISINA*) — памятник римского права постклассической эпохи // *Jus Antiquum/Древнее право*. 2007. № 19.

гих варварских народов — франков, бургундов, остготов и вандалов, они даже формально не признавали власти императоров Востока. Новые правители самой западной части римского мира еще долго чувствовали себя скорее удачливыми временщиками, сумевшими воспользоваться сложившейся ситуацией, чем обладателями публичной власти римского типа. Верховная власть (то реальная, то номинальная) была сосредоточена в руках представителей рода Балтов; с ними же ассоциировалось и коллективное самосознание (что, впрочем, было характерно и для других варварских королевств). Формальный же статус вестготских правителей еще долго определялся лишь римским военным рангом «гех», который полагался предводителям войск варваров-федератов.²⁸

Поражение при Пуатье обернулось для вестготов не только утратой почти всей территории Тулузского королевства (в результате чего основную часть их государства составила Испания), но и резким падением авторитета королевской власти, такое поражение допустившей. Малолетний наследник Алариха II Амаларих оказался под опекой своего могущественного деда. Дальнейшее изложение событий, последовавших за совершеннолетием короля, выглядит у Иордана как череда сплошных потрясений: «Оруженосца Теудиса после смерти зятя своего Алариха он поставил опекуном над внуком Амаларихом в королевстве Испании. Этот Амаларих потерял и королевство, и самую жизнь еще юношей, попав в сети франкского коварства; после же него опекун Теудис захватил королевскую власть, избавил Испанию от злокозненных происков франков и до конца жизни властвовал над везеготами. За ним принял власть Тиудигислоза, но правил недолго, так как погиб, убитый своими. Ему наследовал Агил, который держит власть до сей поры. Против него восстал Атанагильд,²⁹ который призвал [себе на помощь] силы Римского государства, и туда назначен патриций Либерий с войском» (перевод Е. Ч. Скржинской).³⁰

²⁸ См., например, об этом: *D'Abadal y de Vinyals R. Del reino de Tolosa al reino de Toledo. P. 47–52; Orlandis J. La sucesión al trono en la monarquía visigoda // El poder real y la sucesión al trono en la monarquía visigoda. Roma; Madrid, 1962; Jiménez Garnica A. M. Orígenes y desarrollo del reino Visigodo de Tolosa. Valladolid, 1983. P. 131–143; Вольфрам Х. Готы. М., 2003. С. 297–304 и др.*

²⁹ В одном из комментариев к этому месту (*Иордан. ... Getica. С. 361, примеч. 791*) Е. Ч. Скржинская утверждает, что Атанагильд был ортодоксальным христианином и именно поэтому и призвал на помощь византийцев. Аргументов в пользу этой позиции не приводится. Однако известные мне данные источников не подтверждают ее точки зрения. Поэтому я не вижу причин, по которым следовало бы исключить сюжет об Атанагильде из общего рассказа о королях-арианах.

³⁰ *Iord. Get. 302–303: «Nam et Thiudem suum armigerum post mortem Alarici generi tutorem in Spaniae regno Amalarici nepotis constituit (Theodoricus. — O. A.). Qui Amalaricus in ipsa aduliscentia Francorum fraudibus inretitus regnum cum vita amisit. Post quem Thiudis tutor eodem regno ipse invadens, Francorum insidiosam calumniam de Spaniis pepulit, et usque dum viveret, Vesegothas contenuit. Post quem Thiudigislosa regnum adeptus, non diu regnans defecit occisus a suis. Cui succedens hactenus Agil continet regnum. Contra quem Athanagildus insurgens Romani regni concitat vires, ubi et Libertus patricius cum exercitu destinatur».*

Собственно говоря, на этом рассказ Иордана о событиях вестготского королевства заканчивается. Комментируя приведенный пассаж, Е. Ч. Скржинская отмечает: «Иордан сообщает об этом сдержанно, не сочувствуя тому, что на троне Балтов-Амалов оказался случайный пришелец; Иордан назвал его не королем, а лишь захватчиком, „набросившимся“ («*invadens*») на власть, узурпатором <...> В дальнейшем вестготские короли Испании уже не представляли династического ряда: это были отдельные представители видных родов».³¹

Все имеющиеся у нас источники подтверждают как справедливость этой оценки, так и прозорливость картины, описанной Иорданом. Несколькими фразами он сумел передать всю драматичность событий, в конечном счете сводящуюся к трем основным факторам внутренней нестабильности: (1) слабости королевской власти; (2) набегам франков; (3) вторжению византийцев. Так продолжалось несколько десятилетий.

2. Атанагильд и возникновение Толедского королевства

При анализе дальнейших событий мы лишены возможности опираться на данные Иордана. Однако намеченная им общая перспектива полностью подтверждается другими источниками. В их числе особое место занимают свидетельства как испанских³² — Исидора Севильского (ок. 570–636), Иоанна Бикларского,³³ так и франкских писателей — Григория Турского (ок. 538–594) (современника и, частично, участника событий) и Псевдо-Фредегара, дающих столь необходимый внешний взгляд на процессы, происходившие к югу от Пиренеев.

Этот взгляд порой оказывается чрезвычайно прозорливым, особенно — в общих оценках. Показательно, что у Григория едва ли не самая важная из этих оценок связана именно с описанием правления короля Агила (549–554). Касаясь обстоятельств его прихода к власти, турский епископ пересказывает кошмарную историю убийства Тевдегизила (548–549) (у Иордана — *Thiudisglosa*), заколотого мечом во время застолья при погасших светильниках.³⁴ Рассуждая далее, Григорий замечает: «У готов есть такой гнусный обычай, что, если им не по нраву кто-нибудь из королей, они закалывают его мечом, и того, кто им

³¹ Иордан. ... *Getica*. С. 366–367.

³² Общие сведения об испанской хронистике вестготского времени см., например: *Hillgarth J. N. Historiography in Visigothic Spain // Settimane di studio del centro iatliano sull'Alto Medioevo. XVII (primo): La Storiografia altomedievale. Spoleto, 1970. P. 26–312.*

³³ Об этом хронисте, жившем на рубеже VI–VII вв., подробнее см.: *Juan de Biclano, obispo de Gerona: Su vida y su obra. / Introd., texto crit., com. por J. Campos. Madrid, 1960* (далее опубликованный здесь текст хроники — *Ioh. Bicl. Chron.*).

³⁴ *Greg. Turon. Hist. III. 30: «Post Amalaricum vero Theuda rex ordinatus est in Hispaniis. Quem interfectum, Theudegisilus levaverunt regem. His dum ad caenam cum amicis suis aepularet et esset valde laetus, caereis subito extinctis, in recubitu ab inimicis gladio percussus, interiit. Post quem Agila regnum accepit».*

по душе, ставят себе правителем».³⁵ В схожих выражениях (возможно, правда, не без влияния рассказа Григория) о том же говорит и Псевдо-Фредегар.³⁶

Оценка франкских писателей не случайна: в данном случае они сравнивали королевскую власть у готов с привычной им франкской моделью, где власть находилась в руках одного рода — Меровингов, а потому круг претендентов на нее не мог быть столь беспределен, как у «готов». Однако то, что было лишь внешней спецификой для франкских наблюдателей, для самих испанцев являлось постоянной и острой проблемой, последствия которой переживались, без преувеличения, трагически. Даже не сочувствуя убитым королям, испанские писатели неизбежно подчеркивают незаконность прихода к власти их преемников. Потому, например, Исидор Севильский, вовсе не сочувствовавший Агиле, осквернившему гробницу христианского мученика св. Асискла в Кордове и разорившему город (что вызвало восстание горожан), тем не менее именует «тираном» не его, а отобравшего у него власть Атанагильда (также упоминаемого Иорданом).³⁷ Более того, оценку не меняет и тот факт, что на помощь последнему в его войне с осквернителем христианской святыни в Мериде, где укрывался Агила, пришли отряды православной Византии во главе с префектом Либерием.³⁸

Дело, однако, не закончилось лишь свержением Агилы. Пришедшее ему на помощь византийское войско вовсе не стремилось уходить восвояси. После подчинения Италии Испания оказалась следующей в военных планах Юстиниана I. Правда, у Империи уже не хватило сил на установление полного господства над еще одним варварским королевством. Но на юге Пиренейского полуострова оформился византийский анклав, ставший плацдармом для постоянных вмешательств в дела вестготских королей. (Особенно болезненно для последних этот фактор дал о себе знать в годы восстания Герме-

³⁵ Ibid.: «Sumpserant enim Gothi hanc detestabilem consuetudinem, ut, si quis eis de regibus non placuisset, gladio eum adpeterent, et qui libuisset animo, hunc sibi statuerent regem».

³⁶ *Chronicae que dicuntur Fredegarii scholastici Libri IV* / Ed. B. Kursch. III.42 // MGH: SRM. Hannoverae, 1888. T. 2. P. 120 (далее — Fredeg.): «Gothi vero iam olim habent vicium, cum rex eis non placeat, ab ipsis interficitur».

³⁷ Isid. *Hisp. Hist. Goth.* 45: «[Agila] adversus Cordubensem urbem dum in contemptu catholicae religionis beatissimi martyris Aciscli iniuriam inferret hostiumque ac iumentorum horrore sacrum sepulchri eius locum ut profanator pollueret, inito adversus Cordubenses cives certamine poenas dignas sanctis inferentibus meruit. nam belli paraesentis ultione percussus et filium ibi cum copia exercitus interfectum amisit et thesaurum omnem cum insignibus opibus perdidit». Ibid. 46: «adversus quem interiecto aliquanto temporis spatio Athanagildus **tyrannidem** regnandi cupiditate arripiens, dum exercitum eius contra se Spalim missum virtute militari prostrasset, videntes Gothi proprio se everti excidio et magis metuentes, ne Spaniam milites auxilii occasione invaderent, Agilanem Emerita interficiunt et Athanagildi est regimini tradiderunt».

³⁸ Ibid. 47: «occiso Agilane Athanagildus regnum quod invaderat tenuit annis XIII. hic cum iam dudum sumpsa **tyrannide** Agilanem regno privare conaretur, militum sibi auxilia ab imperatore Iustiniano poposcerat, quos postea submovere a finibus regni molitus non potuit».

негильда, о чем будет сказано ниже.) Негативная оценка этого фактора также проявляется в текстах испанских хронистов. Правда, она выражена лишь косвенно: Константинополь воспринимался как центр ортодоксального христианского мира, а потому его прямая критика духовными лицами, а тем более — епископами, каковыми были и Исидор, и Иоанн Бикларский, не представлялась возможной (тем более, что арианство перестало быть официальным вероисповеданием вестготов лишь в конце VI в.).

Внешний пиетет по отношению к Империи прослеживается в текстах как Исидора, так и Иоанна. Более того, у первого датировки правления вестготских королей синхронизируются с царствованием византийских императоров, а второй и вовсе едва ли не половину своей хроники посвящает византийским событиям, которые излагаются параллельно с испанскими (в данном случае оба, несомненно, следуют клише, заложенному еще Евсевием Иеронимом — переводчиком и продолжателем «Хроники» Евсевия Кесарийского). Показательно, однако, что даже Исидор, чье происхождение от римской senatorской знати известно, чье греческое имя красноречиво, чья семья переселилась в Севилью с территории византийского анклава, чей брат, Леандр, некоторое время скрывался в Константинополе, и, наконец, чья верность никейской ортодоксии не подлежит сомнению, вовсе не ассоциирует себя с «римлянами». «*Romani*» в его текстах — это только византийцы («*фромей*»), за одним лишь исключением — «*ecclesia Romana*» — это Римская епархия, впрочем, также в то время находившаяся в руках византийцев. Потому и победы над «римлянами», даже совершенные королями-арианами, вовсе не оцениваются негативно, а порой звучат и прямо позитивные оценки, продиктованные «неримским», т. е. испанским, патриотизмом.³⁹

В этом смысле показателен и другой факт: при всем многообразии информации о Византии, которой обладал Исидор, он совершенно не упоминает о ней. Так, например, мы не встречаем ни одного упоминания о «Корпусе Юстиниана», хотя севильский прелат, скорее всего, был знаком хотя бы с «Институциями Юстиниана».⁴⁰ А уж если для Исидора «золотой Рим, глава народов» (*aurea Roma capuit gentium*) остался

³⁹ См., например, описание правления Виттерика (603–610), который, видимо, так и остался в душе арианином и которого обвиняли в покушении на ортодоксального епископа-мученика Сунну. Ibid. 58: «[Wittericus] vir quidem strenuus in armorum arte, sed tamen expers victoriae. namque adversus *militem Romanum* proelium saepe molitus nihil satis gloriae gessit praeter quod milites quosdam Sanontia per duces obtinuit». См. также: Ibid. 61: «[Sisebutus] In bellicis quoque 'documentis ac victoriis clarus'. <...> de *Romanis* praesens *bis feliciter triumphavit* et quasdam eorum urbes pugnando sibi subiecit: adeo post victoriam clemens, ut multos ab exercitu suo hostili praeda in servitutem redactos pretio dato absolveret eiusque thesaurus redemptio existeret captivorum...».

⁴⁰ Laistner M. L. W. Dediticci: The Source of Isidor. 9.4.49–50 // Journal of Roman Studies. 1921. 11. P. 267–268; Churrucá J. de. Presupuestos para el estudio de las fuentes jurídicas de Isidoro de Sevilla // AHDE. 1973. T. 43. P. 28–30.

далеким прошлым, то что говорить об Иоанне, чье готское происхождение не исключается исследователями?⁴¹

Наконец, другие «единоверцы» хронистов, также исповедовавшие ортодоксию, а именно — франки, оцениваются столь же негативно (поражает, что во франкских текстах «готы» представляются в гораздо более нейтральном тоне). Постоянные набеги франков на Нарбоннскую Галлию (по другую сторону Пиренеев ее уже предпочитали называть Септиманией), а порой и их проникновение гораздо глубже — вплоть до оккупации Кантабрии, не могли не восприниматься болезненно. А потому, например, даже победы арианина Леовигильда над франками воспринимаются как триумф. Что уж говорить о победах, совершенных военачальниками-ортодоксами?⁴²

Именно эта троякая проблема, обусловленная слабостью королевской власти, а также угрозами со стороны франков и византийцев, и предопределила необходимость реформ, сутью которых стало кардинальное изменение характера королевской власти и всей вестготской государственности в целом. Вне всякого сомнения, необходимость каких-то конструктивных шагов вполне осознавалась, другое дело — готового решения существующих проблем не было, приходилось двигаться буквально во тьме. Атанагильд, который едва ли не все свое царствование провел в войнах с призванными им же византийцами,⁴³ попытался, по меньшей мере, заручиться нейтралитетом франков. Очевидно, именно этими соображениями было продиктовано заключение династического брака его дочери Бруны с франкским королем Сигибертом (561–575), на предложение которого вестготский король немедленно ответил согласием. Псевдо-Фредегар считает своим долгом подчеркнуть, что Атанагильд дал за дочь огромное приданое.⁴⁴ В Галлии принцесса получила имя Брунгильда, прожила долгую (до 613 г.) жизнь и оставила о себе неоднозначную память.

⁴¹ См., например, одинаково негативную характеристику как ромеев, так и ариан-готов: Ioh. Bicl. Chron. 194: «Provincia Hispaniae tam Gothis quam Romanis maioris exitii quam adversariorum infestatio fuit».

⁴² См., например: Ibid.: [a. 585] 255–263: «Franci Galliam Narbonensem occupare cupientes cum exercitu ingressi. in quorum congressionem Leouegildus Reccaredum filium obviam mittens et francorum est ab eo repulsus exercitus et provincia Galliae ab eorum est *infestatione liberata*. castra vero duo cum nimia hominum multitudine unum pace, alteram bello occupat. castrum vero qui Ugerno vocatur tutissimum valde in ripa Rhodani fluminis ponitur, quod Reccaredus rex fortissimo pugna aggressus obtinuit et victor ad patrem patriamque rediit».

⁴³ Isid. Hisp. Hist. Goth. 47: «adversos quos (Romanos. — O. A.) huc usque „conflictum est“: frequentibus antea proeliis caesi, nunc vero multis casibus facti atque finiti».

⁴⁴ Fredeg. III.57: «Porro Sigibertus cum viderit fratres suos uxoris viles accipere, Gogonem causam legationis ad Anagyldum regem direxit, petens, ut ei filiam suam Brunam nomen coniugio tradiret. Quam Anagyldus *cum multis thinsauris* Sigiberto ad matrimonium transmisit. Ad nomen eius ornandum est auctum, ut vocaretur Brunecchildis. Quam cum multa laetitia atque iocunditate Sigibertus accepit uxorem». Cfr.: Greg. Turon. Hist. IV.27.

Однако вестготский король, видимо, получил столь желанную передышку.⁴⁵

Этот брак дал начало целой череде подобных династических связей с Меровингами, продолженной Леовигильдом и Реккаредом. Однако более важным стал другой шаг Атанагильда, поначалу оставшийся почти незамеченным: умерший собственной смертью король был похоронен в Толедо.⁴⁶ Этот небольшой городок почти в самом центре полуострова, на засушливой испанской Месете, в римское время не играл практически никакой роли в политической жизни. Исидор впервые упоминает его в связи с событиями 527 г., когда епископы-ортодоксы испросили у короля Тевды разрешения провести там церковный собор⁴⁷ (II Толедский собор), каноны которого сохранились и который принял ряд важных решений, в частности — об учреждении церковных школ.⁴⁸ В тот момент короли еще не придавали значения Толедо, расположенному почти на самой границе старой Картахенской провинции. Да и местом проведения собора он стал, видимо, почти случайно: первый такой собор состоялся в городе ок. 400 г., т. е. более чем за 100 лет до второго.

Видимо, в пользу Толедо сыграла как раз его удаленность от основных культурных и политических центров страны, в том числе — от Картахены, где часто бывало неспокойно. Зато город находился почти в географическом центре полуострова, что было явно на руку, если принять во внимание сложность и гетерогенность состава позднеримского диоцеза Испании. Его отдельные территории осваивались и включались в состав Римской державы в разные исторические периоды. В его границах оказались хорошо освоенные и обжитые восточные и южные районы средиземноморского «фасада» полуострова, а также Лузитания с ее золотыми рудниками. Но туда же вошли и завоеванные лишь при Августе изначально кельтские север и северо-запад — Галлеция (во времена Атанагильда принадлежавшая свевам), Астурия, Кантабрия и перманентно непокорные баскские области. В этих условиях Толедо, расположенный на землях древнего кельтиберского племени карпентанов, стал своеобразным ключом ко всей Испании, позволявшим контролировать все регионы полуострова. Сказалась также удаленность города от потенциально опасной северной (франки и баски) и южной (визан-

⁴⁵ Если верить Псевдо-Фредегару, ему удалось даже одержать временную победу над византийцами. См. Fredeg. III.48: «ab Spanias exercitum imperii expulsi».

⁴⁶ Isid. Hisp. Hist. Goth. 47: «decessit autem Athanagildus **Toleto** propria morte vacante regno mensibus V».

⁴⁷ Ibid. 39: «Aera DLXVIII, anno imperii Iustiniani VI post Amalaricum Theudis in Spania creatur in regnum annis XVII (var.: per annos XVI menses V). qui dum esset haereticus, pacem tamen concessit ecclesiae, adeo ut licentiam catholicis episcopis daret in unum apud **Toletanam urbem** convenire et quaecumque ad ecclesiae disciplinam necessaria existerent, libere licenterque disponere».

⁴⁸ Постановления собора см.: Concilios visigóticos y hispano-romanos / Ed. por José Vives, T. Marín Martínez, G. Martínez Díez. Barcelona; Madrid, 1963. P. 42 — 52 (далее все ссылки на соборные постановления даются по этому изданию).

тийцы) границ. Наконец, сыграли свою роль также близость Толедо к римским военным дорогам и его местоположение на берегу Тахо, являвшейся в тот период крупной судоходной водной артерией.

Являлся ли Толедо постоянной резиденцией Атанагильда — неясно. Очевидно, однако, что именно с его царствования центр королевства постепенно все более явно стал локализовываться в Толедо, занявшем место утраченной в начале VI в. Тулузы. Замечу, правда, что город еще не был столицей: не существовало даже самого этого понятия. И Исидор, и Иоанн Бикларский называют столицей (*urbs regia*) лишь Константинополь.⁴⁹ «Столичные» же функции Толедо будут постепенно формироваться на протяжении всего VII в. Лишь к концу этого столетия город превратится в подлинный символ власти вестготских королей.

Однако начало уже было положено.

3. Леовигильд — король-реформатор

С Толедо оказалось связанным и правление следующего короля — Леовигильда (568–586). Формально он пришел к власти как соправитель своего брата Лиувы I (568–573). На деле, однако, Лиува почти с самого начала, избрав для себя резиденцией Нарбонну,⁵⁰ оказался фактически изолирован от основных центров королевства (возможно, впрочем, что братья сознательно разделили между собой сферы влияния, как утверждает Исидор,⁵¹ но дела это не меняет). Характерно, что все хронисты (как испанские, так и франкские) упоминают о нем весьма скупо; с самого начала в поле их внимания оказывается практически исключительно Леовигильд. И король безусловно того заслуживал.

Жесткий и амбициозный, он не останавливался перед жестокими репрессиями, планомерно истребляя своих противников⁵² и завоевывая город за городом, область за областью, постепенно распространяя свою

⁴⁹ См., например: Ioh. Bicl. Chron.: «[a. 574] 115–116: Huius Tiberii Caesaris die prima in *regia urbe* inguinalis plaga sedata est».

⁵⁰ После смерти Лиувы Леовигильд включил в свое королевство Нарбонну. См. Ioh. Bicl. Chron.: «[a. 573] 87–88: His diebus Liuva rex vitae finem accepit et Hispania omnis Galliae Narbonensis in regno et potestate Liuvigildi concurrit».

⁵¹ Isid. Hisp. Hist. Goth. 48: «Aera DCV (var.: DCVIII), anno II imperii Iustini minoris post Athanagildum Livva Narbonae Gothis (regno) praeficitur regnans annis tribus. qui secundo anno postquam adeptus est *principatum*, Levvigildum fratrem (suum) non solum successorem, sed et participem regni sibi constituit Spaniaeque administrationi praefecit, ipse (autem) Galliae regno contentus (est). sicque regnum duos capuit, dum nulla potestas patiens consortis sit. Huic autem unus tantum annus in ordine temporum reputatur, reliqui Levvigildo fratri adnumeratur».

⁵² Greg. Turon. Hist. IV.38: «Ille quoque inter eos regnum aequaliter divisit, interficiens omnes illos qui regis interemere consueverant, non relinquens ex eis mingentem ad parietem» (cfr.: 1 Sa.25.22; 1 Reg.25.34; 3Reg.16.11 etc.).

власть на всю Испанию:⁵³ ведь ранее ни один король не контролировал всю ее территорию. Однако он хорошо понимал, что только военной силы недостаточно, что все завоеванные позиции обратимы.

Именно поэтому он предпринял целый ряд значимых шагов, призванных изменить общий облик его власти. В качестве образца была избрана, естественно, Византия, поскольку иных примеров перед своими глазами король просто не имел. Кроме того, в том, что отправной моделью для нововведений Леовигильда послужила именно современная ему императорская власть ромеев, убеждают и предпринятые им конкретные реформы, имеющие четкие константинопольские параллели.

И первой из них стало основание собственной постоянной резиденции в Толедо: о толедском дворце Леовигильда первой сообщает «Житие св. Отцов меридских», написанное через несколько десятилетий после кончины короля. Наиболее значимым здесь представляется не то, что король-арианин предстает в соответствующем эпизоде в качестве отрицательной фигуры — как раз это-то вполне естественно. Гораздо важнее тот факт, что Леовигильд, судящий ортодоксального епископа Масону, описан восседающим на престоле (*tronus*),⁵⁴ который установлен в его дворце (из окон которого он смотрит на отправляемого в ссылку мученика).⁵⁵

Новации короля подчеркивает и Исидор Севильский: именно Леовигильд, по его словам, первым облекся в «королевские облачения» (*regali veste*) и воссел на престол.⁵⁶ Как понимать это Исидорово «*regali veste*»? Несомненно, к их числу следует отнести пурпурную мантию: именно в пурпур облачен король в «стандартном» описании, включенном в Исидоровы «Этимологии».⁵⁷ Следует напомнить, что в Византии (как и в позднем Риме) пурпурный цвет был абсолютной монополией императора: даже подпись на императорских рескриптах ставилась пурпурными чернилами.⁵⁸ С большой долей вероятности можно предполо-

⁵³ Ioh. Bicl. Chron.: «[a. 571] 64–66: Liuuigildus rex Asidonam fortissimo civitatem proditione cuiusdam Framidanci nocte occupant et militibus interfectis memoratum urbem in Gothorum revocat iura»; Ibid.: «[a. 572] 76–79: Liuuigildus rex Cordubam civitatem diu Gothis rebellem nocte occupant et caesis hostibus propriam facit multasque urbes et castella interfecta rusticorum multitudine in gothorum dominium revocat» (etc.).

⁵⁴ Vitas sanctorum patrum emerensium. V.6.22// Corpus Christianorum, Series Latina. Vol. 116 / Ed. A. Maya-Sánchez. Turnholti (Turnhout): Brepols, 1992 (VPE): «Dum hec et his similia loquerentur et esset multa celi serenitas, maiestas diuina celitus fragore magno repente intonuit ita ut tremebundus *de trono suo* Leouigildus rex in terram cum pauore procideret».

⁵⁵ VPE. V.6.25: «Quum que uiro Dei ut in eo ascenderet pararetur, rex crudelissimus *per fenestram eminens palatii* respiciens expectabat ut ei uir sanctus de equo casurus ingens spectaculum preberet».

⁵⁶ Ibid.: «Aera DCVI (DCVII?) <...> Leuuigildus <...> primusque inter suos *regali veste* opertus solio resedit».

⁵⁷ Isid. Etym. VII.2.2: «Nunc regibus *indumentum purpureae* insigne est regiae dignitatis, sic illis *unctio sacri unguenti* nomen ac potestatem regiam conferebat».

⁵⁸ См., например, конституцию Льва I, адресованную магистру официй Иллариану (470 г.): СТ. I.23.6pr.

жить, что еще одной принадлежностью официального облачения короля, введенной в обиход уже Леовигильдом, был скипетр.⁵⁹

Вероятно, этот перечень может быть продолжен. Так, описание внешнего облика правителя, помещенное в 1-й книге кодекса Речесвинта (речь о котором пойдет ниже), наряду с пурпурным одеянием, упоминает и диадему (корону) — «*diadema et purpuram gloriam*» (LI. I.2.6). Очевидно, речь идет о золотом венце имперского образца. Такие венцы сохранились, правда, применительно к более позднему времени: самая ранняя из известных корон принадлежала королю Свинтиле (621–336), правившему через полвека после Леовигильда. В настоящее время они хранятся в собраниях Национального археологического музея в Мадриде и в парижском музее Клюни. Эти короны происходят из так называемого Гуаррасарского клада, обнаруженного у местечка Гуадаррасар в 1858 г.⁶⁰ По форме и внешнему виду они очень напоминают венец, в который облачен император Юстиниан на знаменитой мозаике из Равенны церкви св. Виталия в Равенне (рис. 1). Такого же типа — корона лангобардских королей, ныне хранящаяся в соборе г. Монца (Италия) (рис. 2). Если учесть, что последние, как и вестготы, были арианами, то можно уверенно утверждать, что корона Леовигильда по внешнему виду едва ли отличалась, например, от сохранившейся короны Речесвинта (рис. 3).

Гораздо сложнее определиться с вопросом о том, присутствовал ли среди регалий Леовигильда золотой крест того типа, который присутствует в составе гуаррасарского клада (рис. 4) и который сохранял свое значение еще и во времена ранней Реконкисты.⁶¹ Никаких четких свидетельств на этот счет не существует. И все же я склоняюсь скорее к положительному ответу. Дело в том, что в литургической традиции приемников Леовигильда этот символ имел четко выраженный военный характер. Между тем в Вестготском королевстве (как, впрочем, и в других подобных королевствах варварского Запада) война, как известно, являлась основной (а порой — и монопольной) прерогативой германской знати, определявшей ее высокое социальное положение.

⁵⁹ Это так, если воспринимать буквально выражение «принял скипетры» для обозначения вступления на престол, используемое уже Иоанном Бикларским. См., например: Ioh. Bicl. Chron. «[a.586]. 276–277: Hoc anno Leovegildus rex diem clausit extremum et filius eius Reccaredus cum tranquillitate regni eius sumit *sceptra*». Показательно, что ранее Иоанн его не употребляет; в дальнейшем же (в частности, у Исидора) оно становится обычным.

⁶⁰ Всего было обнаружено 9 золотых корон и 6 золотых же крестов (включая инвентарь еще одного клада, обнаруженного неподалеку от первого). Датировка клада (судя по коронам) — между 621 г. (Свинтила) и 672 г. (Речесвинт). Вскоре после обнаружения клад был распродан. Таким образом, часть находок оказалась в музее Клюни (Франция). Оставшаяся часть была выкуплена в 1861 г. королевой Изабеллой II. В 1921 г. из Королевского арсенала была похищена корона Свинтилы, самая дорогая из всех обнаруженных. В 1940–1941 гг., в порядке обмена ценностями, французское правительство вернуло 6 корон и 4 креста. Следует учесть, что не все короны являлись приношением королей.

⁶¹ Одним из первых на золотые кресты астурийской эпохи как важные регалии обратил внимание выдающийся немецкий исследователь П. Шрамм. См.: *Schramm P. E. Las insignias de la realeza en la Edad Media española / Trad. y prol. por L. Vazquez de Parga. Madrid, 1960. P. 17–22.*

Рис. 1. Император Юстиниан и придворные (фрагмент). VI в.
Мозаика базилики св. Виталия (Равенна)

Рис. 2. «Железная» корона лангобардских королей. VIII в.
Собор в Монце (Италия)

Рис. 3. Вотивная корона короля Рецесвинта (венец) из Гуаррасарского клада.
Середина VII в. Национальный археологический музей (Мадрид)

Рис. 4. Фрагменты королевского креста из Гуаррасарского клада.
VII в. Национальный археологический музей (Мадрид)

Именно поэтому нельзя признать случайным тот факт, что в королевских литургических сборниках крест фигурирует в контексте торжественного ритуала проводов в поход королевского войска, происходивших начиная не позднее середины VII в. в толедской базилике свв. Петра и Павла. Согласно ему, перед лицом собравшегося войска король должен был войти в церковь и, простершись на ее полу, помолиться за благополучное завершение похода. Затем следовал стих «Да будет Бог на пути вашем, и да будут ангелы с Ним и с вами» («*Sit Deus in itinere uestro, et angelus eius comitetur uobiscum*»). Далее епископ громким голосом провозглашал молитву за короля и победу, за войско и храбрость полководцев, за доверие, верность и созвучие сердец воинов, за триумфальное возвращение их всех в эту церковь. По ее завершении он должен был передать королю золотой крест с реликвиями Креста Господня в нем, который всегда несли рядом с монархом. Наконец, у алтаря полководцам вручались знамена, которые благословлялись епископом при выходе из церкви. Король прощался с епископом под пение антифона «Господь Бог, сила моя и здравие, прикрой главу мою в день сражения» («*Domine Deus, uirtus salutis mee, obumbra caput meum in die belli*»). Выйдя из базилики, король садился на коня и выезжал, а крест несли перед ним. Следом выступало войско.⁶²

У нас есть все основания полагать, что наряду с символами власти при дворе Леовигильда были введены также и ритуальные процедуры византийского образца. Прежде всего, это касается придворного ритуала. Так, судя по косвенному замечанию, содержащемуся в упомянутом выше житии, можно предположить, что при Леовигильде сложился и некий придворный ритуал византийского типа: оказывающая почести святому «как королю» (!!!) торжественная процессия состоит из слуг, облаченных в длинные хламиды из драгоценного шелка.⁶³

Нельзя обойти молчанием и факт основания Леовигильдом двух городов — Рекополиса на северо-востоке, в «Кельтиберии»,⁶⁴ и Викториака (современной Витории)⁶⁵ в Басконии, о чем сообщают Исидор и Иоанн Бикларский. Некоторые исследователи придают этим фактам особое значение. Так, А. Рюкуа даже заявляет, что акт основания восходил к традиции, построенной на подражании примеру Ромула — основате-

⁶² *Liber Ordinum* en usage dans l'Église wisigothique et mozarabe d'Espagne / Ed. M. Férotin. Paris, 1904. Col. 149–153: XLVIII. «Incipit ordo quando Rex cum exercitu ad prelium egreditur». Существовал также специальный ритуал приветствия короля и войска, вернувшихся из похода. См.: Ibid. Col. 154–155: XLVIII. «Item orations de regressu regis».

⁶³ VPE. V.3.12: «...Plurimi pueri clamides olisericas induentes quorum eo *quasi quorum rege* incederent et, quod his temporibus nullus poterat, nullus presummebat, huius indumentis amicti ante eum deuitum deferentes obsequium pergerent».

⁶⁴ Ioh. Biel. Chron. [a. 579] 176–180: «civitatem in Celtiberia ex nomine filii condidit, quae Recopolis nuncupatur: quam miro opere et in moenibus et suburbanis adornans privilegia populo novae urbis instituit»; Isid. Hisp. Hist. Goth.51: «condidit etiam civitatem in Celtiberia, quam ex nomine filii sui Recopolim nominavit».

⁶⁵ Ioh. Biel. Chron. [a. 581] 213–214: «Liuvigildus rex partem Vasconiae occupant et civitatem, quae Victoriaco nuncupatur condidit».

ля Рима.⁶⁶ Однако это суждение не более чем догадка. Приходится признать, что если даже Леовигильд действительно преследовал подобную цель, то она не была достигнута: идея не имела продолжения. В то же время основание Рекополиса и Викториака гораздо проще объяснить исходя не из символических, а из военно-стратегических соображений: оба укрепленных поселения были основаны в отдаленных областях, где военные оплоты были просто необходимы королевской власти.

Гораздо более значимым представляется факт следования византийским образцам в описаниях процедуры королевского суда, содержащихся в «Житии свв. Отцов меридских». По крайней мере, судебное заседание, происходившее в толедском дворце Леовигильда (пусть речь и идет о суде неправедном, вершимом «жесточайшим тираном»), описывается в тех же выражениях, что и его римско-византийский прототип.⁶⁷ Среди прочего упоминаются и присутствие епископов (естественно, арианских), и судей, и издание эдикта о вызове в судебное заседание, и судебное постановление короля («sententia»).

Все эти детали выглядят вполне логично, если учесть, что именно Леовигильд первым из вестготских королей выступил как законодатель, что отмечают как Исидор, так и поздняя «Альбельдская хроника» (конец IX в.).⁶⁸ Правда, сам текст кодекса не сохранился, однако К. Цеймер уверенно констатировал факт существования памятника,⁶⁹ а Р. де Уренья-и-Сменхауд⁷⁰ попытался реконструировать так называемый *Code revisus* на основе королевского судебника («Книги приговоров» или «Вестготской правды»), изданного Редесвинтом ок. 654 г. и включившего более ранние законы, начиная со времен Эвриха.⁷¹ По мнению ис-

⁶⁶ Рюкуа А. Средневековая Испания. М., 2006. С. 255.

⁶⁷ VPE. V.5.13: «Tum deinde, residentibus episcopis, residerunt et iudices, illi quam maxime qui erant fautores Arriane partis et impiissimi regis»; Ibid. V.6.5: «Ocius que ministri conpares criminis eius preceptionis *edictum* implentes atque ad Emeretensem urbem uenientes uirum beatum sub omni celeritate ad urbem Toletanam, in qua *rex* erat, properare conpellunt»; Ibid. V.6.24: «Cum que huiuscemodi inimicus impiissimus *rex* malam sane *sententiam* contra insontem dedisset, quantocius ministri conpares criminis eum a conspectibus eius abstraxerunt equum que ferocem ei ad sedendum *precipiente rege* paraberunt, qui eum ita precipitaret ut cadens fractis ceruicibus crudeliter interiret. Tante scilicet ferocitatis equus erat quod nullus sessor, pro eo quod iam multos per preceps corruere fecerat, ascendere presummebat».

⁶⁸ Isid. Hisp. Hist. Goth. 51: «in legibus quoque ea quae ab Eurico incondite constituta videbantur corrixit, plerasque superfluas auferens»; Chronicon Albeldensis. 19 // *Bonnaz Y. Chroniques asturiennes* (fin IXe siècle). Paris, 1987 (далее — Chron. Alb.): «Gothorum leges ante corrixib». Общие сведения о хронике см.: *Díaz y Díaz M. La Historiografía hispana desde la invasión árabe hasta el año 1000* // *Settimane di studio del centro iatliano sull'Alto Medioevo*. XVII (primo): *La Storiografia altomedievale*. Spoleto, 1970. P. 313–343.

⁶⁹ *Zeumer K. Historia de la legislación visigoda* / Trad. del alemán por C. Claveria. Barcelona, 1944. P. 74–79.

⁷⁰ *Ureña y Smenjaud R. La legislación gótico-hispana* (Leges antiquiores — Liber Iudiciorum). Madrid, 1905. P. 327–371.

⁷¹ Наиболее распространенное издание судебника подготовлено К. Цеймером. См.: *Leges Visigothorum* // MGH: Legum sectio, 1. Berolini, 1902. Цеймер назвал свое издание «Вестготской правдой» («Lex Visigothorum»), под которым оно наиболее известно. Однако в рукописях судебник именуется «Liber iudiciorum», реже (в порядке убывания) —

панского ученого, в кодекс, составленный между 529 и 529 гт., вошли 317 законов, в дополнение к которым были изданы, как минимум, две новеллы, известные ныне LI.V.4.17 ant. («Sepissimi leges...») и LI.VIII.4.16 ant. («Si quis bovem aut taurum...»).⁷² Оценивая вклад короля в историю законодательства его времени, Р. де Урэнья уверенно именует Леовигильда «монархом-реформатором».⁷³

Следует подчеркнуть, что при всей очевидной важности самого акта кодификации нельзя недооценивать и символического значения этого акта. Младший современник Юстиниана I (527–565), вестготский король несомненно ассоциировал себя с ним, выступая в качестве правителя-законодателя. Аналогичным образом следует рассматривать и наполнение Леовигильдом королевского фиска и казны городов, которое было не только прагматической, но и символической мерой, значимость которой был вынужден признать и Исидор Севильский.⁷⁴

Однако еще более важной представляется другая императорская ипостась, также воспринятая Леовигильдом. Речь идет о роли принцепса в религиозных делах. О символическом значении этой функции говорит уже сам факт помещения главы о Юстиниане в сочинение Исидора Севильского «О знаменитых мужах», где император фигурирует в числе выдающихся церковных писателей своего времени. Показательно, что эта маленькая главка, посвященная императору, — единственное, что специально написано о нем во всем обширном корпусе сочинений Исидора. Видимо, при всем отмеченном выше скептическом отношении к Византии игнорировать этот аспект севи́льский прелат *ортодоксальной Церкви* позволить себе не мог.⁷⁵

Однако для Леовигильда церковные дела имели, без преувеличения, еще большее значение, чем для Исидора. Противопоставление себя Восточной империи, которое для последнего было главным образом политическим, для вестготского короля-арианина в не меньшей степени было также и религиозным. После уничтожения королевств вандалов и вестготов, сметенных Юстиниановой экспансией, единственным варварским народом, исповедовавшим арианское христианство, оставались лишь итальянские лангобарды. В грекоязычной части Средиземноморья приверженцы этого толка были искоренены, по-видимому, уже

«Liber Iudicum», «Liber de iudiciis» и «Forum Iudicum». Соответственно, наиболее предпочтительным является оригинальное название «Liber iudiciorum» (далее — LI).

⁷² Ibid. P. 370–371.

⁷³ Ibid. P. 421.

⁷⁴ Isid. Hisp. Hist. Goth. 51: «fiscum quoque primus iste locupletavit primusque aerarium de rapinis civium hostiumque manubiis auxit».

⁷⁵ Isidori Hispalensis De viris illustribus // PL. Paris, 1850. T. 83: «XXXI. Justinianus imperator, quosdam libros de Incarnatione Domini edidit, quos etiam per diversas provincias misit. Condidit quoque et rescriptum contra Illyricianam synodum, et adversus Africanos episcopos Chalcedonensis synodi defensores perverso studio: in quo tria capitula damnare contendit, id est, Theodori Mopsuesteni episcopi dicta, sive rescripta Theodoret, et epistolam, quae dicitur Ibae Edesseni episcopi».

окончательно. В этих условиях Вестготская Испания естественным образом воспринимала себя как главный центр арианства в пределах всего мира — бывшего римского «*orbis terrarum*». И эта четко выраженная религиозная идентичность естественным образом сочеталась с идентичностью политической — последовательным противопоставлением себя как ортодоксам-византийцам, так и ортодоксам-франкам.

Определенное значение имел также и свевский фактор: ведь начиная с 60-х гг. VI в. свевы также приняли ортодоксальное христианство. Не являясь серьезным военным противником, они тем не менее представляли собой своеобразную «пятую колонну» в тылу Леовигильда, роль которой четко проявилась в ходе мятежа Герменегильда, речь о котором пойдет ниже. Кроме того, акцентирование религиозных различий могло служить и обоснованием захватнических планов вестготского короля, которые были реализованы около 585 г.⁷⁶

С учетом этого становится понятным, почему Леовигильд резко изменил политике веротерпимости, которой придерживались его предшественники. Как хронисты (и испанские, и франкские), так и агиографы этого времени рисуют образ короля-гонителя, «жесточайшего тирана», как он именуется в «Житии свв. Отцов меридских». ⁷⁷ На деле, однако, ситуация выглядит более сложной. В отличие от франкских писателей, которые характеризуют Леовигильда в уверенно-негативных тонах, у испанских авторов картина оказывается не столь однозначной.

Это видно даже по тексту меридского жития. Из пяти включенных в него новелл лишь в пятой, последней, посвященной Масоне, ортодоксальному епископу города, король выглядит библейским злодеем. В то же время в третьей части, где говорится об аббате Нанкте, вмешательство Леовигильда оказывается скорее позитивным. Автор подчеркивает уважительное отношение короля к монастырю, возглавляемому святым, и к его культу, и даже предлагает ему дары, ⁷⁸ а в судебной тяжбе Леовигильд выносит решение в пользу невинно обвиненных ортодоксальных христиан. ⁷⁹ В «Житии св. Эмиллиана», написанном Браулио-

⁷⁶ О Свевском королевстве см., например: *Клауде Д.* История вестготов. С. 213–224; *Reinhart W.* *Historia general del reino hispánico de los suevos* / Trad. del alemán. Madrid, 1952.

⁷⁷ VPE. V.4.8: «*Sed uir sanctus nec terroribus frangitur nec blandimentis suaditur, sed forti congressione aduersus atrocissimum tyrannum dimicans pro defensione iustitie persistebat inuictus*».

⁷⁸ VPE. III.1.9: «9. Qui quamlibet esset Arrianus, tamen ut se eius precibus Domino commendaret, eidem uiro auctoritate conscripta de quodam precipuo loco fisci direxit, ut alimenta aut indumenta exinde cum suis fratribus haberet».

⁷⁹ VPE. III.1. 13–14: «Post non longum uero temporum interuallum ipsi homicide comprehensi et *Leouegildo regi* in uinculis sunt presentati. Cui dictum est ipsos esse qui seruum Dei interemissent. *Ille autem, quamuis non recte fidei esset, recte tamen promulgauit sententiam* dicens: „Absoluite eos a uinculis et sinite habire. Et si uere seruum Dei occiderunt, sine nostra ultione ulciscatur Deus mortem serui sui“. 15. At ubi dictum est istud et illi absoluti sunt, statim eos demones corruerunt et plures dies afflixerunt, quousque crudeli morte animas e corporibus excusserunt. Deo gratias».

ном Сарагосским во второй трети VII в., репрессии короля, обрушившиеся на кантабрийских старейшин, оказываются мстью Божьей за непотребство последних и за их нежелание прислушаться к пророчествам святого. Леовигильд же предстает как слепое орудие в руке Господней, и лишь один из погибших, Абуданций, оказывается невинной жертвой.⁸⁰ Наконец, даже Исидор указывает на неоднозначность личности короля, не отказывая ему в достоинствах как политику и военачальнику.⁸¹

Таким образом, у нас нет оснований признать Леовигильда твердолобым религиозным фанатиком. По всей видимости, цель его политики была иной, а именно — интеграция значительной части христиан на основе единого (в данном случае — арианского) толка. Строго говоря, аналогичную цель преследовали и позднеримские, и византийские императоры, созывая вселенские соборы, изначальная роль которых заключалась в совместном поиске и обнародовании единой позиции по религиозным проблемам, не имевшим общепринятого толкования и вызывавшим конфликты в среде верующих.

С этой же целью в 580 г. созвал арианский Толедский собор и вестготский король. Подробный рассказ о нем оставил Иоанн Бикларский, который не скрывает компромиссности принятых там решений, прежде всего — отмены ранее обязательного перекрещивания при переходе в арианство, целью которого было некоторое психологическое облегчение акта отказа от никейской ортодоксии. Теперь для перехода в «католическую» веру (ариане также именовали себя «католиками») оказывалось достаточно лишь рукоположения епископа, причастия и провозглашения арианского символа веры в «Отца через Сына во Святом Духе». Причем хронист честно признает, что эта и другие предпринятые королем меры имели значимые результаты и число обратившихся (вне зависимости от конкретных причин) было немалым.⁸² Косвенно

⁸⁰ Sancti Braulionis Caesaraugustani episcopi vita S. Emiliani. XXVI.33 / Ed. crit. por L. Vazquez de Parga. Madrid, 1943: «Narrat ille quod uiderat: scelera eorum, caedes, furta, incesta, uiolentas, caeteraque uitia increpat, penitentiam ut agant pro his omnibus praedicat, quumque omnes reuerenter auditum praeberent, nam erat omnibus uenerabilis quasi unus de domini nostri Ihesu Christi discipulus Abudantius quidam nomine prae senectute eum dixit desipere. At ille denuntiat ei rem per semetipsum experiri, quod post probauit euentus nam *gladio uindice Leuuegildi est interemptus*. Caeteros quoque quum non respiscerent ab iniquis operibus, ira pendente diuinitus pari modo periurio doloque agrediens, sanguine est ipsorum crassatus».

⁸¹ Isid. Hisp. Hist. Got. 49: «porstremum bellum Suevis intulit regnumque eorum in iure gentis suae mira celeritate transmisit, Spania 'magna ex parte' potitus: *nam antea gens Gothorum angustis finibus artabatur. sed* offuscavit in eo error impietatis *gloriam tantae uirtutis*».

⁸² Ioh. Bicl. Chron. [a. 580] 200–207: «Liuuigildus rex in urbem Toletanam *synodum episcoporum sectae Arriaenae* congregat et antiquam haeresim nouello errore emendat, *dicens de romana religione ad nostram catholicam fidem venientes non debere baptizari, sed tantummodo per manus impositionem et communionis perceptione ablui*, et gloriam *patri per filium in spiritu sancto dari*. per hanc ergo seductionem *plurimi nostrorum* cupiditate potius quam impulsione, in Arrianum dogma declinant».

это утверждает и Исидор, в своем рассказе о Леовигильдовых гонениях упоминая, что среди перешедших в арианство были даже епископы, например — Викентий Сарагосский.⁸³

Говоря о значении арианского Толедского собора, следует обратить внимание на возможное наличие и других, не только византийских, истоков самой идеи собрания всех епископов королевства, а не одной провинции, как это было принято у христиан-ортодоксов, не знавших иных соборов, кроме провинциальных. В среде варваров-ариан, не имевших, в отличие от ортодоксов, единого общепризнанного «внешнего» религиозного и политического центра (каковым для христиан никейского вероисповедания в VI–VII вв. являлся Константинополь), изначально была сильна идея «национальной» Церкви. Наконец, тому же способствовала и относительная немногочисленность ариан, число епископов которых было ограниченным. Впрочем, при ближайшем рассмотрении последний фактор оказывается наименее важным: ведь и число епископов-ортодоксов, а также викариев (представителей отсутствующих прелатов) на «национальных» соборах VII в. тоже не было чрезмерным: так, на XIII Толедском соборе (683 г.), отличавшемся максимальным уровнем представительства, присутствовали 48 епископов, 26 викариев, 1 примиклерий, 8 аббатов и 26 знатных мирян, т. е. 109 человек.⁸⁴ Однако и светские магнаты, и аббаты стали принимать участие в таких соборах только с 653 г. (VIII Толедский собор); в то же время на X Толедском соборе (656 г.) присутствовали лишь 17 епископов и 5 викариев, т. е. 22 человека.⁸⁵

Трудно сказать, какой из истоков — «варварский» или «византийский» сыграл большую роль при возникновении самой идеи арианского собора 580 г. Однако даже с учетом первого последний был, видимо, более значим уже потому, что четко встраивался в общую «провизантийскую» или, строго говоря, антивизантийскую политику Леовигильда. Восседающий на престоле в своей столице, в своем дворце арианский король, окруженный придворными, предстает издающим законы, вершащим суд, созывающим «национальные» церковные соборы и всем этим последовательно противопоставляющим себя византийскому императору.

Но эта модель представляется законченной и целостной лишь на первый взгляд. Вскоре время внесло в нее изменения, не затронувшие, впрочем, ее основного характера.

⁸³ Isid. Hisp. Hist. Goth. 50: «ecclesiarum reditus et privilegia tulit, *multos* quoque terroribus (suis) in Arrianam pestilentiam inpulit, *plerosque sine persecutione* inlectos auro rebusque decepit. ausus quoque inter cetera heresis suae contagia etiam *rebaptizare* et non solum ex plebe, sed etiam ex sacerdotalis ordinis dignitate, sicut *Vincentium Caesaraugustanum* de episcopo apostatam factum et tamquam a caelo in infernum proiectum».

⁸⁴ Orlandis J., Ramos-Lissón D. Historia de los concilios... P. 422–423.

⁸⁵ Ibid. P. 361–362.

4. Мятеж Герменегильда и его последствия

На 579 г. приходится начало событий, которые подорвали сами основы модели, построенной Леовигильдом. Его старший сын Герменегильд, с 572 г. управлявший Севильей, а вместе с ней и всем югом Пиренейского полуострова,⁸⁶ поднял мятеж против своего отца. Через 7 лет он женился на Ингунде, дочери франкского короля Сигиберта (561–575).⁸⁷ Далее, при изложении происшедшего, франкские и испанские хронисты настолько расходятся, что их версии приходится излагать отдельно.

Современник тех событий, Григорий Турский, связывает начало мятежа с воздействием Ингунды на ее мужа, который принял повторное крещение, стал ортодоксом и принял имя Иоанн.⁸⁸ Далее следует подробный рассказ о том, как Герменегильд отверг призыв отца к примирению и обратился за помощью к византийцам.⁸⁹ Далее развернулись военные действия, в ходе которых мятежник оставил захваченную им Мериду.⁹⁰ Затем последовала осада Севильи, где укрылся Герменегильд вместе со своими людьми и с византийцами.⁹¹ В то же время франки, оказывая помощь единоверцам и поддерживая дочь своего короля, вторглись в Нарбоннскую Галлию.⁹² Вскоре по тем же причинам в события на стороне Герменегильда вмешался и свевский король Мирон: сын короля даже некоторое время скрывался от отца в Галисии.⁹³ Мятеж был жестоко подавлен, а мятежник — пленен. Вскоре он был убит, Ингунда же вместе с малолетним сыном укрылась у византийского военачальника, вместе с войском Империи переправилась в Африку, где и умерла. Узнав обо всем этом, ее дядя, король Бургундии Гунтрамн (651–592/93), вторгся в Септиманию, но вторжение закончилось неудачей.⁹⁴ Однако войны с Леовигильдом продолжались до смерти вест-

⁸⁶ Ioh. Bicl. Chron. [a. 572] 93–96: «Liuuigildus rex Sabariam ingressus Sappos vastat et provinciam ipsam in suam redigit dicionem duosque filios suos ex amissa coniuge *Heremnegildum* et Reccaredum consortes regni facit».

⁸⁷ Ibid. [a. 579] 186–188: «Liuuigildus rex Hermenegildo filio suo filiam Sisberti regis Francorum in matrimonium tradit et Provinciae partem ad regnandum tribuit». Ошибка в передаче имени короля весьма симптоматична, тем более, что имя Ингунды не называется вообще.

⁸⁸ Greg. Turon. Hist. V.38: «Ad quam cum abissent, coepit Ingundis praedicare viro suo, ut, relicta heresis fallacia, catholicae legis veritatem agnoscerit. Quod ille diu refutans, tandem commotus ad eius praedicationem, conversus est ad legem catholicam ac, dum crismaretur, Iohannis est vocitatus».

⁸⁹ Ibid.: «At ille (Hermenegildus. — O. A.), datis *praefecto imperatoris* triginta milibus solidorum, ut se ab eius solacio revocaret, commotu exercitu, contra eum venit. Herminigildus vero, *vocatis Grecis*, contra patrem egreditur, relicta in urbe coniuge sua».

⁹⁰ Ibid. VI.18.

⁹¹ Ibid. VI.29.

⁹² Ibid. VI.33.

⁹³ Ibid. VI. 40; VI.43.

⁹⁴ Ibid. VIII.28.

готского короля, и лишь его преемнику Реккареду удалось заключить мир.⁹⁵

Что касается Фредегара, то в его кратком рассказе также акцентируется роль Ингунды (которую он, правда, именует Седегундой) в обращении мужа, который стал истинным христианином и погиб от руки своего отца-еретика.⁹⁶ А вот в столь же кратком сообщении Исидора акценты расставлены совершенно по-иному: упоминание о восстании Герменегильда включено в рассказ о военных мятежах, одним из которых оно оказывается; об обращении же не говорится вообще.⁹⁷

Наконец, Иоанн Бикларский занимает промежуточную позицию. Возникновение мятежа он связывает с кознями жены Леовигильда, страстной арианки Госвинты, которую жестоко бичует в своей «Истории» Григорий Турский. Испанский хронист характеризует движение как мятеж и акт «тирании», подчеркивая, что Севилья была подвергнута разгрому как готами, так и византийцами. И лишь в ответ на это Леовигильд двинул войска против сына.⁹⁸ Король выбил его из Севильи, тот бежал к византийцам (*ad rem publicam*) и, наконец, укрылся в Кордове, где и был захвачен, после чего сослан в Валенсию.⁹⁹ Через год Герменегильд был убит в Таррагоне неким Сисбертом, который, в свою очередь, был жестоко казнен уже при Реккареде.¹⁰⁰ При этом прямо о принятии Герменегильдом ортодоксии нигде не говорится: лишь последнее сообщение косвенно указывает на тот факт, что движение имело еще и религиозную подоплеку.

В итоге возникает впечатление, что король-арианин оказывается для испанских хронистов ближе, чем принявший ортодоксальную веру Герменегильд-Иоанн. Очевидно также, что соотечественники вовсе не

⁹⁵ Ibid. VIII.30, VIII.35.

⁹⁶ Fredeg. III. 82–83: «Ex huius unus Chermengildus nomen filiam Sigyberti nomen Sedegundem. Que cum magnis thinsauris et apparatis in Spania est directa et ab ava Goaesinda benigniter recepta, quem postea Goaesinda adfecetur. Sed cum nullatenus avivae iniquo consilio consentisset, in una civitatum cum viros habitandum consituetur. Protinus maritum predicans, ad Christi cultum baptizatus, effectus est christianus. Quem pater Leubildus insequens et vellens occidere, tandem eius insecutionem filius est interfectus, per quem data est occasio».

⁹⁷ Isid. Hisp. Hist. Goth. 49: «Cesserunt etiam armis illius *plurimae (omnes) rebelles Hispaniae urbes*. fudit quoque diverso proelio militem et quaedam castra ab eis occupata dimicando recepit. Hermenegildum deinde filium imperiis suis *tyrannizantem* obsessum exsuperavit».

⁹⁸ Ioh. Bicl. Chron. 189–195: «Nam eodem anno filius eius Hermenegildus factione Gosuinthae reginae *tyrannidem* assumens in Hispali civitate rebellionem facta recluditur, et alias civitates atque castella secum contra patrem rebellare facit. quae causa provincia Hispaniae *tam gothis quam romanis* maioris exitii quam adversariorum infestatio fuit»; Ibid. [a. 582] 221–222: «Liuvigildus rex exercitum ad expugnandum tyrannum fillium colligit».

⁹⁹ Ibid. [a. 584] 240–244: «Liuvigildus rex filio Hermenegildo ad rem publicam commigratne Hispalim pugnando ingreditur, civitates et castella, quas filius occupaverat, cepit, et non multo post memoratum filium in Cordubensi urbe comprehendit et regno privatum in exilium Valentiam mittit».

¹⁰⁰ Ibid. [a. 585] 254: «Hermenegildus in urbe Tarraconensi a Sisberto interficitur»; Ibid. [a. 587] 286–287: «Sisbertus interfector Hermenegildi morte turpissima perimitur».

желали признавать его святым. Скорее всего, его культ имеет франкское происхождение: о существовании испанского жития святого применительно к VII в. ничего не известно; более того, еще и в конце IX в. «Альбельдская хроника» вообще не упоминает о нем; обращая внимание на гонения Леовигильда против ортоксальных христиан (т. е. касаясь религиозных аспектов политики короля), хронист упоминает в числе его жертв лишь епископа Мерида Масону.¹⁰¹

Если попытаться синтезировать все эти разрозненные факты, то окажется, что, по всей видимости, мятеж Герменегильда мотивировался прежде всего стремлением к захвату власти, в чем его, видимо, поддерживала верхушка испано-римского населения Бетики, ставшей полем основных сражений. Более того, упоминание о Госвинте, прочность арианских убеждений которой не подлежит сомнению (при Реккареде она была подвергнута преследованиям и вскоре умерла¹⁰²), в связи с возникновением мятежа как будто свидетельствует о том, что изначально он вообще не имел религиозной окраски и что принятие ортодоксии стало для Герменегильда исключительно тактическим шагом.

Скорее всего, однако, этот тактический шаг оказался удачным. На целых пять лет запылали юг и восток, казалось бы, уже замиренной страны; воспользовавшись удобным предлогом, в страну вторглись франки, свевы и византийцы (последние, видимо, являлись прямыми подстрекателями к мятежу). Несмотря на то что мятеж был подавлен, его глава убит, а королевство свевов завоевано, события 579–584 гг. показали, сколь эфемерной являлась арианская «Анти-Византия», созданная Леовигильдом на Пиренейском полуострове.

Григорий Турский сообщает, что перед смертью король отказался от арианства и принял ортодоксию.¹⁰³ Проверить это свидетельство невозможно: кроме турского епископа, о нем не упоминает ни один текст. Более того, другой современник событий, папа Григорий Великий (590–604), уверенно утверждает обратное, заявляя, что новый король, Реккаред, последовал примеру не «отцовской ереси, а мученичества брата».¹⁰⁴ Однако, даже если Григорий и был дезинформирован, нельзя исключить того, что незадолго до кончины сам король задумывался о корректровке курса.

¹⁰¹ Chron. Alb. 19.

¹⁰² Ioh. Bicl. Chron. [a. 589] 310–315: «Udida episcopus cum Gosuintha regina insidiantes *Reccaredo manifestantur* et fidei catholicae communionem, quam sub specie Christiana quasi sumentes proiciunt, publicantur. quod malum in cognitionem hominum deductum Uldida exilio condematur. Gosuinta vero *catholicis semper infesta* tunc terminum dedit».

¹⁰³ Greg. Turon. Hist. VIII. 46: «Post haec Leuvigildus rex Hispanorum aegrotare coepit, sed, ut quidam adserunt, *paenitentiam pro errore heretico agens et obtestans, ne huic heresi quisquam reperiretur consentaneus, in legem catholicam transiit*, ac per septem dies in fletu perdurans pro his quae contra Deum iniquae molitus est, spiritum exalavit».

¹⁰⁴ Greg. Magni Dial. III.31 // PL. T. 77. Col. 292: «non patrem perfidiam sed fratrem martyrem sequens».

5. Реформы Леовигильда после Леовигильда (вместо заключения)

На этом история вестготских королей-ариан прерывается: как известно, сразу после вступления на престол наследник Леовигильда, Реккаред (586–601), принял ортодоксальное христианство, а на III Толедском соборе оно стало единственным дозволенным толком христианства в Испании. Сказанное, однако, не означает, что реформы Леовигильда потерпели крах. Наоборот, можно уверенно констатировать, что в основной своей части они оказались удачными, были продолжены преемниками и со временем приобрели новое качество. Не вдаваясь в детали, обращу внимание лишь на основные моменты преемственности:

(1) Статус Толедо продолжал неуклонно возрастать на протяжении всего VII в. Значимыми вехами здесь стали:

- Постановления III Толедского собора (589 г.), где город уже официально именуется столицей — «*civitas* (позднее — *urbs*) *regia*», т. е. точно так же, как ранее именовался лишь Константинополь;¹⁰⁵
- Решения собрания испанских епископов, созванного при короле Гундемаре (610–612), документы которого (епископское постановление («*constitutio*») и придавший ему силу королевский декрет) провозглашали Толедо центром Картагенской провинции, причем епископ получил ранг митрополита;¹⁰⁶
- Традиция коронации королей в Толедо, в церкви свв. Петра и Павла, утвердившаяся в середине VII столетия и впервые подробно описанная Юлианом Толедским на примере акта интронизации короля Вамбы (672 г.);
- Постановления XII Толедского собора, созванного королем Эрвигием (680–687), особый канон которого подтвердил и развил положения этих документов. Примат Толедской митрополии получил окончательное оформление. Митрополит был признан главой испанской Церкви и получил монополию на рукоположение всех епископов королевства;¹⁰⁷
- Постепенное изменение внешнего вида города, который из захолустного поселения шаг за шагом превращался в настоящую столицу.¹⁰⁸

¹⁰⁵ Conc. Tolet. III (a. 589). P. 107: «...haec sancta synodus habita est in *civitatem regiam* Toletanam».

¹⁰⁶ Ibid. XII (a. 681). P. 403–409.

¹⁰⁷ Ibid. Can. 6.

¹⁰⁸ Иногда деятельность королей по украшению города специально оговаривается хронистами. См., например: Continuatio Hispana. 46 // MGH: AA: Chronica minora / Ed. T. Mommsen. Berolini, 1894. Vol. 2: «Huius temporibus <...> Wamba Gothis prefectus regnat annis VIII. qui <...> civitatem Toleti mire et eleganti labore renobat, quem et opera sulptorio versivitando pertitulans hoc in portatrum epigrammata stilo ferreo in nitida Marmora patrat: Erexit factore deo rex inclitus urbem // Wamba sue celebrem protendens gentis honorem. in memories quoque martirum, quas super eadem portarum turriculas titulavit, hec similiter exaravit: Vos, sancti domini, quorum hic presentia fulget, // Hanc urbem et plebem solito salvate favore».

(2) Развитие символизма королевской власти. Поворотное значение здесь имели постановления IV Толедского собора (633 г.), констатирующие ее сакральный характер¹⁰⁹ и положившие начало целому пласту вестготской «политической теологии». Тогда же была установлена четкая система выборов правителей,¹¹⁰ дополненная и уточненная постановлениями V Толедского собора (636 г.).¹¹¹ Предметом специальной разработки стал сложный и все более дистанцирующийся от византийских прототипов ритуал коронации, описанный уже упоминавшимся Юлианом Толедским. Его важными составными элементами стали провозглашение войском, обязательное помазание на царство в церкви свв. Петра и Павла в Толедо, а также взаимная клятва верности короля и народа.¹¹² К концу столетия конкретные очертания приобрел и королевский похоронный ритуал, в частности — особая процедура предсмертного покаяния: в иной мир король должен был уйти как монах, в рясе и с выбритой тонзурой.¹¹³ В середине VII в. окончательно оформилась королевская титулатура, в основу которой легли главным образом византийские образцы, отраженные в византийских кодификациях.¹¹⁴

¹⁰⁹ Conc. Tolet. IV (a. 633). Can. 75: «Illi ut notum est immemores salutis suae propria manu se ipsos interimunt, in semetipsos suosque reges proprias convertendo vires, et dum Dominus dicat: Nolite tangere Christos meos, et David: Quis, inquit, extendet manum suam in Christum Domini et innocens erit? Illis nec vitare metus est periculum nec regibus suis inferre exitum: hostibus quippe fides pacti datur nec violator; quod si in bello fides valet, quando magis in suis servanda est? Sacrilegium quippe esse, si violetur a gentibus regum suorum promissa fides, quia non solum in eis fit pacti transgressio, sed et in Deum quidem in cuius nomine pollicetur ipsa promissio».

¹¹⁰ Ibid.: «Nullus apud nos praesumptione regnum arripiat; nullus excitet mutuas seditiones civium; nemo medinetur interitus regum, sed defuncto in pace principe **primates totius gentis cum sacerdotibus successorem regni concilio communi constituent**, ut dum unitatis concordia a nobis retinetur, nullum patriae gentisque discidium per vim atque ambitum oriatur».

¹¹¹ Conc. Tolet. V (a. 636). Can. 6.

¹¹² Jul. Tolet. Hist. Wam. 2: «Nisi consensurum ten obis promittas, gladii modo mucrone truncandum te scias. Nec hinc tandiu exhibimus, quandiu aut **expeditio nostra te regem accipiat**, aut contradictorem cruentis hic hodie casus mortis absorbeat». Ibid. 4: «At ubi ventum est quo sanctae unctionis susciperet signum in praetoriensi ecclesia, sanctorum scilicet Petri et Pauli, regio jam cultu conspicuis ante altare divinum consistens, **ex more fidem populis reddidit**. Deinde curvatis genibus **oleum benedictionis per sacri Quirici pontificis manus vertici eius manus refunditur**, et benedictionis copia exhibetur, uti statim signum hoc salutis emicuit. <...> Quippe ut posteris innotescat quam viriliter rexit regnum. Qui non solum nolens, sed tantis ordinibus ordinate percurrrens, **totius etiam gentis coactus impulse**, ad regni meruerit pervenire fastidium».

¹¹³ Conc. Tolet. XII (a. 681). Can. 1: «Idem enim Wamba princeps dum inevitabilis necessitudinis teneretur eventu, **suscepto religionis debito cultu et venerabili tonsurae sacrae signaculo**, mox per scripturarum definitionis suae hunc inclytum dominum nostrum Ervigium post se praelegit regnaturum, et sacerdotali benedictione ungendum».

¹¹⁴ Не вдаваясь в подробности этой сложной проблемы, укажу лишь на некоторые очевидные параллели между элементами вестготской королевской и византийской императорской титулатурой, фигурирующие в правовых текстах — вестготском судебнике и «Кодексе Феодосия»:

LL.II.4.7: quod iniustum omnino **nostra** perpendit **clementia**... Cfr.: CT.2.23.1pr. [=Brev.2.23.1pr.]: Impp. Honor. et Theodos. AA. Crispino comiti et magistro equitum. <...> a **nostra clementia** audeat postulare.

(3) Продолжилась активная законодательная деятельность; значительными вехами в ее развитии стали законодательство Сисебута (612–620) (2 закона), Хиндасвинта (641–652) (98 или 99 законов), появление кодификации Рецесвинта (649–672) (ок. 654 г.), позднее дополненной и отредактированной Эрвигием (680–687) и Эгикой (текст последней сохранился лишь частично).

(4) Наконец, именно к собраниям арианских епископов времен Леовигильда и Рецесвинта¹¹⁵ следует возвести истоки оригинального института «национальных» соборов, сыгравших столь значимую роль в политической системе Толедского королевства. Начиная с IV Толедского собора (633 г.), принявшего специальный регламент их проведения («*Ordo de celebrando concilio*»),¹¹⁶ созыв таких соборов стал пусть и нерегулярной, но постоянной практикой. Наиболее же важен тот факт, что, несмотря на принятие ортодоксального символа, Испания не только сохранила, но и постепенно все более укрепляла религиозное своеобразие. Наряду с постоянным присутствием знаменитого «*filioque*» в соборных редакциях Никейско-Халкидонского символа веры¹¹⁷ бурное развитие получила местная литургическая традиция, антивизантийский характер которой порой проступает предельно ясно.¹¹⁸

Разумеется, эти отступления от византийской ортодоксии еще не носили принципиального характера и часто объяснялись сугубо местными

LI.II.1.20: Tranquille hac sollicite instantia **mansuetudinis** nostre premonet... **Cfr.:** CT. 8.5.12: Imp. Iulianus A. ad Mamertinum praefectum praetorio. <...> Sed his quoque **nostra** etiam **mansuetudo** evectiones singulas dabit.

LI.II.1.28: ...glorioso **serenitatis** nostre oraculo confirmetur. **Cfr.:** CT. IX.19.3: Imp. Valentinianus et Valens AA. Ad Festum proconsulem Africae. **Serenitas nostra** prospexit...

LI.II.3.1: Itaque ne **magnitudo** culminis eius evacuet veritatis, non per se, sed per subditos agant negotium actionis. **Cfr.:** CT.8.5.52: Idem AA. Rufino **prefecto praetorio**. <...> **maginitudo tua** auctoritate huius legis inhibebit.

LI.XII.1.nov. (Ervigius): Quos **celsitudo nostra** una cum filiis per huius nostre legis edictum et testimonio nobilitatis pristinae uti et rebus, quas per auctoritatis nostre vigorem perceperint, decernimus revestiri. **Cfr.:** CT.6.26.18: Imp. Theodosius et Valentinianus A A. Acatio comiti sacrarum largitionum. <...> praebere **tua celsitudo** disponat.

¹¹⁵ Именно в таком собрании Рецесвинт, если верить Иоанну Бикларскому, убедил собравшихся отказаться от арианского вероисповедания. См. Ioh. Bicl. Chron. [a. 587] 288–293: «Reccaredus primo regni sui anno mense X catholicus deo iuvante efficitur et sacerdotes sectae Arrianae sapienti **colloquio aggressus ratione potius quam imperio** convertit ad catholicam fidem facit **gentemque omnium Gothorum et Suevorum ad unitatem et pacem revocat** Christianae ecclesiae. sectae Arrianae gratis divina in dogmate veniunt Christiano».

¹¹⁶ Conc. Tolet. IV (a. 633). Can. 4.

¹¹⁷ Эта особенность проследивается не только в канонах вестготских соборов (см., например: *Orlandis J., Ramos-Lissón D.* Historia de los concilios..., *passim*), но и в других текстах, в частности — агнографических. См., например, восторженную характеристику Реккареда в «Житии свв. Отцов меридских» (VPE.V.9.5: «5. Erat enim religionis diuine assertor, recte glorie predicator, defensor omnis modis catholicam fidem, sanctam Trinitatem coeternam unius que uirtutis et substantie predicans atque in personarum proprietate distinguens, in natura unum Deum adfirmans, Patrem ingenitum dicens, Filium ex Patre genitum adstruens, **Spiritum uero sanctum ex utroque procedere credens**»).

¹¹⁸ См., например: *Vega A. C.* Una antigua pieza litúrgica ¿ajustiniana o visigótica? // La Ciudad de Dios 1941. Vol. 153. N. 2. P. 169–176.

причинами. Однако процесс дистанцирования от Константинополя, начатый «антивизантийскими» реформами Леовигильда, был уже необратим.

Но эта проблема (или, точнее, комплекс проблем), разумеется, заслуживает отдельного исследования.

RÉSUMÉ

El objeto de la investigación es el problema del carácter de la evolución de la naturaleza del poder real en la Hispania visigoda de la segunda mitad del siglo VI. Cronologicamente este periodo sigue a la época de la historia visigoda descrita por el gran historiador Jordanes, quien escribió su obra en Ravena cerca del año 550. El análisis de los testimonios textuales (los textos de Gregorio de Tours, pseudo-Fredegario, Isidoro de Sevilla, Juan de Biclaro y otros) nos muestra el desarrollo de las tendencias fijadas ya por la pluma de Jordanes. En la segunda mitad del siglo VI el poder de los reyes hispano-visigodos perdió su base inicial. La dinastía de los Baltos se interrumpió con la muerte de Amalarico II. La ausencia del legitimismo del poder real provocó la situación del caos y de las revueltas continuas, cuando ningún rey no podía controlar todo el territorio del reino. Al mismo tiempo los últimos reyes arianos de Hispania tenían que resistir a las invasiones francas y bizantinas.

En esta situación los reyes visigodos tuvieron que formar los fundamentos nuevos de su poder. El sentido principal de las reformas regias promovidas desde la época de Agula y hasta la de Leovigildo fue la recepción de los elementos y símbolos de la ideología del poder tardoromano y bizantino. Pero la base de las nuevas construcciones ideológicas fue la reelaboración de las ideas políticas reflejadas por los textos bíblicos y por la tradición patristica. La síntesis de los elementos de la experiencia política del Imperio y de algunos aspectos de Cristianismo (especialmente tomados del Testamento Viejo) produjeron la nueva ideología del poder.

El nuevo legitimismo del rey visigodo fue basado en la sinfonía del Estado y de la Iglesia ariana. En este contexto el rey aparece como el defensor de la creencia cristiana y no como el usurpador con el poder basada exclusivamente en la fuerza militar. Los símbolos de su poder (la capital (la *urbs regia*), el trono, el púrpura, la corona y otros) tenían que acentuar el carácter legítimo de su *status*, que le confería de todos los otros candidatos al título del *rex*. El último título ya figura no como la señal de la superioridad de hecho, pero como un análogo del título imperial bizantino. Al fin del gobierno del rey Leovigildo ya podemos constatar la formación del «anti-Byzancio» leovigildiano, es decir del estado ariano de tipo imperial contrapuesto al Imperio ortodoxo. Como sabemos, el potencial de este «anti-Byzancio» fue muy limitado, porque Leovigildo no realizó sus planes de la «arianización» de Hispania. Pero después de la conversión de Recaredo (586) y del III Concilio Toledano (589) las ideas políticas leovigildianas en su mayor parte fueron conservadas y utilizadas para construir la nueva realidad política del Reino Visigodo ortodoxo.